

УДК 327.51

США, НАТО И ПЕРСПЕКТИВЫ «БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ» В СВЕТЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

© 2014 г. **П.Е. Смирнов***

Институт США и Канады РАН, г. Москва

Политический кризис на Украине, присоединение Крыма к Российской Федерации и военное противостояние на юго-востоке Украины привели к резкому обострению уже имеющихся противоречий между Россией и США/НАТО. В статье даётся обзор ситуации, связанной с прекращением сотрудничества между Россией и НАТО по проблемам безопасности, оценивается шанс на возобновление диалога по созданию новой европейской архитектуры на основе взаимного партнёрства.

Ключевые слова: *Украина, Россия, США, НАТО, конфронтация, «гибридные войны», региональные конфликты, партнёрство, европейское сообщество безопасности.*

Конфронтация с Россией как повод для возрождения американского лидерства в Европе

Развернувшийся осенью 2013 года острый политический кризис на Украине, вызванный противоречиями вокруг планов подписания Киевом соглашения об ассоциации с Евросоюзом (а эти противоречия имели как внутривнутриполитическое, так и внешнеполитическое измерения) и приведший к государственному перевороту в феврале 2014 г., оказал и продолжает оказывать деструктивное воздействие на формирующийся после окончания «холодной войны» европейский порядок. Реакция России на эти события, переход Крыма под её суверенитет, всё более явная (хотя и без непосредственного военного вмешательства) вовлечённость Москвы в вооружённый конфликт между киевскими властями и сторонниками отделения от Украины на юго-востоке страны не только обострили уже имеющиеся противоречия между РФ, с одной стороны, и США и их союзниками по НАТО – с другой, но поставили на грань краха все усилия и переговорные форматы, имевшие целью построение общеевропейского пространства безопасности.

Катастрофа малайзийского пассажирского авиалайнера «Боинг-777» в зоне боевых действий на юго-востоке Украины 17 июля 2014 г., в которой США и их союзники по НАТО, не дожидаясь результатов международного расследования, сразу обвинили поддерживаемых Россией ополченцев, ведущих боевые действия против киевских властей, стала началом нового этапа конфронтации

* **СМИРНОВ Павел Евгеньевич** – старший научный сотрудник ИСКРАН.
E-mail: smi-pavel@yandex.ru

между Россией и Западом. США и во многом под их давлением Евросоюз, которые к тому времени уже подвергли персональным санкциям несколько десятков высокопоставленных официальных лиц и деятелей крупного бизнеса РФ, перешли к введению секторальных санкций в отношении энергетической, финансовой, военной сфер экономики России.

Под угрозой оказываются те достижения внешней политики России, которых удалось добиться в 2013 г. – прежде всего на сирийском и иранском направлениях – и которые позволили говорить о том, что Москва стала перехватывать у Вашингтона инициативу во многих важнейших аспектах международных отношений. Россия де-факто оказалась исключённой из «Большой восьмёрки» – форума, на который она раньше делала большую ставку как на показатель своего присутствия (пусть даже далеко не всегда равноправного) в ряду наиболее влиятельных государств мира. При этом сама Москва проявляет демонстративное безразличие к дальнейшей судьбе этого форума, считая, что будущее человечества решается сегодня в других международных форматах, более широких и представительных (в частности, «Большой двадцатке») и делая ставку на формирование новых, незападных центров экономического и политического влияния, таких как БРИКС.

Некоторые специалисты и обозреватели уже не ограничиваются утверждениями о начале «новой "холодной войны"», но делают апокалиптические прогнозы о том, что мир стоит на пороге третьей мировой войны, или даже утверждают, что такая война уже идёт. Так, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Р. Коэн в своей статье на интернет-портале *Atlantic* под названием «Да, она снова может произойти» делает вывод, что нестабильность на Украине, хаос в Сирии, конфликт в Восточно-Китайском море – это спусковые крючки третьей мировой войны. Автор статьи, как и многие его коллеги и эксперты в США, утверждает, что стремление президента Б. Обамы избежать необходимости новых военных интервенций в региональные конфликты, сформировавшееся под влиянием двух безуспешных войн последнего десятилетия (афганской и иракской), может заслонить для Вашингтона ситуацию, когда применение статьи 5 Вашингтонского договора (коллективная оборона стран НАТО) или аналогичных инструментов в других частях света станет необходимым. Р. Коэн рисует, в частности, гипотетическую ситуацию, когда под влиянием вооружённой борьбы против украинских правительственных сил, которую ведут поддерживаемые Москвой «сепаратисты», восстание поднимают активисты русскоязычного меньшинства в Эстонии, обращающиеся за помощью к России. Но Эстония, в отличие от Украины, – член НАТО, и США уже обязаны будут прибегнуть к статье 5, создавая аналогию с новой мировой войной [14].

Точку зрения о том, что подобные «мировые войны» начинаются с локальных конфликтов, которые предшествуют вовлечению всех остальных сторон, разделяют и некоторые российские эксперты. В частности, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (РАНХИГС) В. Штоль, проводя параллели с испано-американской войной и англо-бурской войной, которые предшествовали Первой мировой войне, и с гражданской войной в Испании накануне Второй мировой войны, утверждает, что «переломным событием, которое может развязать полномасштаб-

ный международный конфликт, может стать ввод сил НАТО на территорию Украины и придание ей статуса основного партнёра вне НАТО» [9].

Именно такая ситуация, когда Европа погружается в самую острую после окончания «холодной войны» конфронтацию между Западом и Востоком, и в то же время Вашингтону в растущей мере требуется поддержка европейских союзников для действий в конфликтных очагах в других частях света, делает для США приоритетной задачу возрождения их традиционной для послевоенной эпохи «европейской миссии». Сворачивание этой миссии в результате того, что задача «сдерживания» СССР была исчерпана, а основные функции НАТО стали всё больше перемещаться за пределы Европы, означало, что задача строительства новой западоцентристской архитектуры безопасности и интеграции Восточной Европы в систему западного доминирования ложится в основном на плечи Евросоюза. Эта стратегия объединённого Запада, практически беспрепятственно развивавшаяся в 1990-е и в 2000-е годы, дала серьёзный сбой, когда Евросоюз и его программа «Восточное партнёрство» столкнулись с препятствиями в процессе подготовки соглашений об ассоциации и зоне свободной торговли с Украиной и рядом других постсоветских государств.

Украинский политический кризис, вызванный внутренними противоречиями по проблемам евроинтеграции и нежеланием России пассивно наблюдать за перетягиванием соседней страны в западную систему доминирования и игнорированием её экономических интересов, показал ограниченность собственного политического потенциала Евросоюза, если он не подкреплён решающим словом США в том процессе, который они называют строительством «единой и свободной Европы». Активное политико-дипломатическое вмешательство Вашингтона в кризис на Украине – а ведь именно это вмешательство во многом сорвало попытки достичь урегулирования кризиса мирным путём и способствовало государственному перевороту 21–22 февраля – означало, что он пытается вернуться к роли главного гаранта «европейского выбора» посткоммунистических стран, не полагаясь целиком на своих ненадёжных партнёров из Евросоюза. Как считает заведующий отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Д. Ефременко, «с начала второго Майдана основным оппонентом России становятся Соединённые Штаты, увидевшие в украинском кризисе не только угрозу европейской стабильности, но и шанс вдохнуть новую жизнь в постепенно увядающее глобальное лидерство. Вплоть до присоединения Крыма к России США в основном решали региональные задачи, с лихвой восполняя слабость европейской дипломатии... Установление российского контроля над Крымом моментально перевело кризис в глобальный контекст, поскольку это действие Москвы свидетельствовало о переходе от эрозии постбиполярного мирового порядка к его осознанной ревизии» [4].

Многие наблюдатели в Европе, равно как и американские сторонники евроцентризма в системе геостратегических приоритетов США увидели в этих событиях шанс на то, что администрация Обамы скорректирует свой сформировавшийся в последние годы курс на внешнеполитическую «перебалансировку», которая заключается прежде всего в поиске ответов на китайский вызов. В частности, по мнению известного американского журналиста и президента Американского совета по Германии У. Дроздяка, которое он высказал в интер-

вью «Немецкой волне», «когда президент Обама три или четыре года назад провозгласил перенос точки опоры в Азию, это была ошибка; нам необходимо и дальше подчёркивать важность наших западных союзников – НАТО, Германии и Европейского Союза ... полностью отворачиваться от Европы к Азии – большая ошибка, и я считаю, что нынешние события на Украине подтвердили эту оценку» [31].

Действия России в отношении Украины стимулировали НАТО к тому, чтобы вернуться к своей «изначальной», т.е. европейской миссии. Госсекретарь США Дж. Керри, выступая 29 апреля на конференции Атлантического совета «К единой и свободной Европе», заявил: «Два десятилетия спустя после выполнения в основном экспедиционных миссий кризис на Украине заставляет нас вернуться к той роли, для осуществления которой изначально был создан наш альянс, и эта роль заключается в защите территории альянса и обеспечении трансатлантической безопасности» [18]. Такая установка, если принять во внимание те обстоятельства, в которых она провозглашается, неизбежно означает, что Россия возвращается к роли главной угрозы, которую Североатлантический альянс призван сдерживать. Под вопросом, таким образом, оказывается и вся система российско-натовского взаимодействия, которая, пусть и крайне противоречиво, развивалась после подписания Основополагающего акта между Россией и НАТО 1997 года.

Саммит НАТО, состоявшийся в начале сентября 2014 г. в Ньюпорте (Уэльс, Великобритания), показал, что альянсу удалось возродить, по крайней мере, на обозримый период, тот дух, который скреплял его на протяжении всей «холодной войны», пусть даже «российская угроза», вызванная событиями вокруг Украины, несопоставима по масштабам с советской. Один из основных итогов саммита – утверждение «Плана действий по повышению боевой готовности», целью которого объявлено укрепление коллективной обороны НАТО и потенциала, необходимого для реагирования на весь спектр современных угроз. Самый важный его компонент – решение о создании в составе уже имеющихся Сил реагирования НАТО нового подразделения высокой боевой готовности, которое будет включать несколько тысяч человек, готовых к развертыванию в течение нескольких дней при поддержке военно-воздушных, военно-морских сил и сил специального назначения.

Главным вызовом для евроатлантической безопасности в итоговой декларации саммита названы «агрессивные действия России против Украины», и лишь на втором и третьем местах – нестабильность в примыкающих к Европе с юга регионах Ближнего Востока и Северной Африки, а также «транснациональные и многомерные угрозы» [33].

Россия и НАТО: снова противники?

Признаки того, что позитивная повестка дня в отношениях между Россией и НАТО почти исчерпана, что эти отношения по мере завершения военной операции альянса в Афганистане теряют свою, по сути, единственную продуктивную основу, появились задолго до начала кризиса вокруг Украины и присоединения Крыма к России. Российская сторона постоянно обвиняла НАТО в приближении инфраструктуры альянса к границам РФ, в отказе учитывать

российские интересы в ряде ключевых аспектов контроля над вооружениями, особенно в вопросе о противоракетной обороне в Европе. Со своей стороны НАТО – и это видно, в частности, из заявления тогдашнего генерального секретаря альянса А.Ф. Расмуссена на Мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля 2014 г. – утверждает, что Россия усиливает свой «не оборонительный, а наступательный потенциал». В доказательство приводятся уже предпринятые или только обсуждаемые Москвой меры – размещение истребителей в Белоруссии, ракет «Искандер» в Калининградской области или дополнительных военных сил в Арктике. Генсек НАТО в этом выступлении настаивал на том, чтобы российская сторона признавала право любых стран (он особо выделил Украину) самим выбирать пути обеспечения своей безопасности и вступать в оборонные альянсы [20].

Так, директор Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета А. Стент отметила на слушаниях в сенатском комитете по международным отношениям 6 мая 2014 г., посвящённых событиям на Украине и противодействию «российской интервенции»: «Нынешний украинский кризис – это самое свежее проявление той проблемы, которая омрачала американско-российские отношения после окончания «холодной войны» – разногласий между Вашингтоном и Москвой в понимании того, как должны выглядеть продуктивные взаимоотношения, в том числе из-за того, что их подходы к ближайшему окружению России слишком контрастировали друг с другом» [26].

В своей книге «Пределы партнёрства: американско-российские отношения в XXI веке», вышедшей ещё накануне обострения кризиса на Украине, А. Стент констатирует: «Вопрос о том, в какой мере США должны учитывать обеспокоенность России [относительно постсоветского пространства – *П.С.*], независимо от того, считают ли они её законной или нет, по-прежнему вызывает разногласия среди официальных лиц и экспертов, равно как и продолжает оставаться источником споров между Вашингтоном и некоторыми его ключевыми союзниками по НАТО». Утверждая, что Россия в целом поддерживает тех евразийских лидеров, которые позиционируют себя как оплот сопротивления политике смены режимов, и стремится усилить своё влияние в «сфере привилегированных интересов», Стент признаёт: независимо от того, увенчаются ли успехом усилия В.В. Путина по строительству Евразийского союза, Россия по-прежнему сохраняет существенное влияние на значительной части своего ближайшего окружения. США же находятся далеко и заняты совсем другими проблемами [29, р. 266].

Именно тезис о том, что российское военное присутствие в Крыму после государственного переворота на Украине могло быть заменено присутствием НАТО, был выдвинут в качестве одного из основных аргументов в пользу присоединения Крыма к Российской Федерации. Его обосновал, в частности, президент Путин на совещании с российскими послами 1 июля 2014 г.: «Мы, конечно, не имели права оставить крымчан и севастопольцев на произвол воинствующих националистов и радикалов, не могли допустить, чтобы был существенно ограничен наш доступ к акватории Чёрного моря, чтобы на крымскую землю, в Севастополь, оваянный боевой славой русских солдат и

матросов, в конце концов, а я думаю, достаточно быстро, пришли бы войска НАТО и был кардинально изменён баланс сил в Причерноморье» [12].

Такой взгляд даёт Североатлантическому союзу дополнительный повод для того, чтобы избавиться от обязательств перед Россией и приостановить почти всё практическое сотрудничество с ней, ибо какой смысл сотрудничать со страной, которая видит в НАТО в первую очередь источник угроз? А.Ф. Расмуссен в интервью испанской газете «Эль Паис» в середине июня 2014 г. заявил: «Мы должны принять тот факт, что Россия видит в нас противника... В течение 20 лет альянс пытался побудить Москву к конструктивному сотрудничеству, однако теперь НАТО нужно приспосабливаться к новой ситуации» [3]. Таким образом, НАТО перекладывает ответственность за обострение напряжённости на российскую сторону и утверждает, что сама не занимается культивированием образа врага в лице Москвы.

В частности, Североатлантический союз отверг утверждения России о намерении разместить свои вооружённые силы в Севастополе взамен российских. В своём документе «Обвинения России: расставим точки над «i», выпущенном в середине июля 2014 г., НАТО заявила, что у неё не было таких намерений, что до кризиса на Украине единственными натовскими силами, размещёнными на постоянной основе на территориях центрально- и восточноевропейских союзников, были военные самолёты в прибалтийских государствах, выполняющие функции воздушной полиции. Напротив, по утверждению НАТО, именно Москва после присоединения Крыма существенно нарастила в регионе своё военное присутствие [24]. Правда, подобная аргументация не учитывает того, что даже при отсутствии у НАТО изначальных намерений вытеснить российский флот из Севастополя логика событий после переворота на Украине – если бы Россия просто пассивно на них реагировала – неизбежно вела бы к наращиванию натовского военного присутствия в Причерноморском регионе.

Уже в середине марта 2014 г., сразу после референдума о вхождении Крыма в состав РФ, НАТО объявила, что исключает Россию из своей операции по содействию ликвидации сирийского химического оружия (хотя этот демарш альянса сам по себе не означал прекращения сотрудничества России с западными странами в вопросе о сирийском химоружии). 1 апреля того же года министры иностранных дел стран НАТО на заседании в Брюсселе объявили о том, что альянс приостанавливает всё практическое гражданское и военное сотрудничество с Россией, сохраняя, правда, политический диалог. Не исключается возможность обсуждения ситуации на Украине в Совете Россия – НАТО (СРН) в случае необходимости. НАТО готова к сотрудничеству на уровне послов и выше, чтобы позволить сторонам обмениваться взглядами по нынешнему кризису [28].

Парламентская ассамблея НАТО прекратила сотрудничество с Федеральным собранием РФ. Был закрыт свободный доступ к штаб-квартире НАТО всем работникам миссии России при Организации Североатлантического договора, за исключением посла, его заместителя и двух помощников.

Главы дипломатических ведомств стран НАТО утвердили комплекс мер, призванных укрепить связи альянса с восточноевропейскими членами. Так,

второе увеличено количество военных самолетов, патрулирующих воздушное пространство прибалтийских стран. Альянс рассматривает все возможные меры для расширения коллективной обороны, включая развитие планов в сфере проведения учений и размещения войск. Было решено, в частности, разместить самолеты, снабженные системами АВАКС, для улучшения наблюдения в Польше и Румынии, усилить присутствие в регионе Чёрного моря. Участились заходы боевых кораблей стран НАТО в Чёрное и Балтийское моря для проведения морских учений. Стали проводиться масштабные учения сил альянса вблизи границ России. В мае и июне 2014 г. такие учения («Весенний шторм» и «Удар меча») были проведены на территориях прибалтийских стран. Россия отклонила приглашение НАТО прислать на них наблюдателей и провела параллельно свои учения в Калининградской области. Москва также объявила о том, что она в одностороннем порядке приостанавливает подписанное с Литвой в 2001 г. двустороннее соглашение о дополнительных мерах укрепления доверия и безопасности.

В начале июня президент Б. Обама в ходе своей европейской поездки посетил Варшаву, где встретился с лидерами стран Центральной и Восточной Европы и пообещал выделить 1 млрд. долл. на усиление оборонного потенциала региона в связи с «новыми вызовами безопасности». Он также провёл в польской столице встречу с избранным (тогда ещё не вступившим в должность) президентом Украины П. Порошенко.

Демонстрируя свою приверженность отношениям с Украиной, страны НАТО решили интенсифицировать сотрудничество с ней в рамках программы «Особого партнёрства» и разработать ряд мер по укреплению потенциала Украины, необходимого для обеспечения своей безопасности. Это намерение было подтверждено на саммите НАТО в Уэльсе. Правда, о вступлении Киева в НАТО как о ближайшей задаче речь не идёт, тем более что даже новые власти Украины признают, что им нужно сделать ещё много для того, чтобы соответствовать критериям членства в альянсе. Страны НАТО не желают придавать Украине такой статус, при котором гипотетическая угроза её безопасности со стороны России сделала бы необходимым применение статьи 5 Вашингтонского договора (коллективная оборона стран-членов), а значит, возникла бы опасность военного столкновения с Москвой. Не склонны они спешить и с решением о поставках Киеву современных вооружений.

Против расширения военного присутствия НАТО на территориях восточно-европейских стран – членов альянса, к которому призывают Польша и прибалтийские страны, выступает правительство Германии. На совместной пресс-конференции с генеральным секретарём НАТО А.Ф. Расмуссеном 2 июля 2014 г. канцлер ФРГ А. Меркель высказала сдержанную оценку призывам к долгосрочному размещению сил НАТО в Восточной Европе. По её мнению, основополагающий акт Россия – НАТО, заключённый в 1997 г., безусловно должен остаться в силе [1]. В том же месяце правительство ФРГ в ответ на запрос фракции «Союза-90»/«зелёных» в бундестаге заявило, что можно отказаться от долгосрочного размещения значительного количества войск в Восточной Европе и в то же время создать условия, которые позволят в случае необходимости быстро перебросить войска НАТО [11].

Эти настроения нашли своё отражение в решениях саммита НАТО в сентябре 2014 г. Вопреки расчётам Польши и прибалтийских государств не было принято решения о стационарном базировании сил НАТО на их территориях. Это базирование будет строиться на ротационной основе. Было решено создать там дополнительную военную инфраструктуру альянса, осуществлять складирование запасов вооружений, военной техники и боеприпасов, проводить регулярные военные учения с прицелом на отражение «агрессии» со стороны России.

В то же время в США всё громче раздаются призывы предоставить статус ведущего союзника США – не члена НАТО тем постсоветским странам, которые, как считают в Вашингтоне, представляют главный объект «российского экспансионизма»: Украине, Грузии и Молдавии. Такой призыв содержится, например, в законопроекте «О предотвращении агрессии со стороны России, 2014», который был внесён в Конгресс в начале мая 2014 г. сенатором-республиканцем от штата Теннесси Б. Коркером и прошёл первые два чтения. Задача активизации и укрепления НАТО в деле противостояния «российской агрессии» – лейтмотив данного документа [25].

Саммит НАТО в Уэльсе объявил о включении Грузии и Молдавии (наряду с Иорданией) в «Инициативу по укреплению обороноспособности». Её цель – оказание помощи альянсу в выполнении его обязательств в отношении партнёрских стран, в частности, расширение сотрудничества и обмена опытом в вопросах реформирования систем обороны и безопасности, но без размещения на месте большого количества вооружённых сил. Судя по участию Иордании в этой инициативе, последняя во многом подчинена задаче создания коалиции против «Исламского государства», о которой объявил Вашингтон. Кроме того, Грузия удостоилась «особого пакета сотрудничества», который направлен на развитие её оборонного потенциала и подразумевает проведение совместных учений, а также «усиленные возможности в области связи и оперативной совместимости в процессе подготовки страны к членству в альянсе». Таким образом, Тбилиси получил туманные обещания о том, что его вступление в НАТО не снято с повестки дня [33].

Вашингтон с новой силой начал требовать от своих европейских союзников, чтобы они в условиях новых угроз, возникающих на восточных рубежах НАТО, прекратили снижать свои военные расходы. Помощник госсекретаря США В. Нуланд, затронув эту тему на состоявшихся 10 апреля 2014 г. в сенатском комитете по международным отношениям слушаниях «Вызовы в сфере трансатлантической безопасности: Центральная и Восточная Европа», также заявила о необходимости подкрепить американо-европейские связи в области безопасности новым уровнем экономических связей, в первую очередь путём разработки соглашения о трансатлантическом торговом и экономическом партнёрстве [32].

Вашингтон, как следует из выступления В. Нуланд на тех же слушаниях в Сенате, пытается возродить заботу об энергетической безопасности стран Европы, значимость которой в период администрации Обамы значительно снизилась. Правда, ставка теперь делается не столько на строительство крупных альтернативных трубопроводов (провал проекта «Набукко» в 2013 г. всё же

принят во внимание), сколько на создание возможностей для реверсных поставок, строительства новых хранилищ топлива, сети терминалов для приёма сжиженного природного газа, перемычек между имеющимися трубопроводами внутри Европы.

Руководящие военные чиновники США и НАТО на примере событий на Украине и присоединения Крыма признают появление новой модели российского военного мышления. Этому посвятил, в частности, свою статью в газете «Уолл-стрит джорнэл» 17 июля 2014 г. главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал ВВС США Ф. Бридлав. «Это наступательная операция XXI века с использованием инструментов XXI века для стратегического обмана и расчётливой неопределённости для достижения политических целей Москвы» [13]. Другой представитель американского военного истеблишмента, глава Комитета начальников штабов США М. Демпси, выступая в конце июля 2014 г. на Аспенском форуме по безопасности, заявил, оценивая события вокруг Украины, что Россия, перестраивает свои вооружённые силы таким образом, чтобы иметь возможность иного, нежели сейчас, способа самоутверждения не только по отношению к Восточной Европе, но и к Европе в целом, а также к США (при этом Демпси сравнил действия российского руководства с действиями Сталина, который ввёл войска в Польшу в сентябре 1939 г. под флагом защиты национальных меньшинств). Глава КНШ США объявил, что эти события заставляют США и их союзников по НАТО координировать усилия в вопросах повышения боеспособности и боеготовности, активно обсуждать вопрос о том, какую военную помощь можно предоставить Украине. По словам Демпси, США изучают имеющиеся в их распоряжении модели возможных вариантов боеготовности, которые не рассматривались Вашингтоном в течение последних 20 лет. Это касается базирования военнослужащих, развёртывания новых коммуникаций и морских путей» [15].

В качестве одной из главных потенциальных угроз после присоединения Крыма к РФ в НАТО стали рассматривать невоенные методы российского воздействия на страны альянса. Так, в докладе «НАТО в эпоху глобальной конкуренции», выпущенном в июне 2014 г. Атлантическим советом США, утверждается, что НАТО сталкивается с опасностью «гибридных войн» – военных действий, сочетающих в себе применение обычных вооружённых сил и информационные операции, использование провокаторов, кибероружия и экономических рычагов. Такие войны подвергают испытанию способность НАТО гарантировать безопасность своим членам и давать отпор всё более агрессивному стремлению России самоутвердиться на мировой арене. Нападение с помощью обычного оружия на страны – члены НАТО остаётся маловероятным, говорится в докладе (статья 5 Вашингтонского договора по-прежнему является в высшей степени надёжным механизмом, если рассматривать её именно в таком узком смысле), но проблема в том, что гибридные войны разворачиваются в серой зоне, которая находится вне традиционной зоны охвата статьи 5 [21, р. 6-7].

Аналогичные акценты, и ещё в более алармистском ключе, делаются в докладе, подготовленном комитетом по обороне британского парламента в ию-

ле 2014 г. Североатлантический альянс, утверждается в докладе, плохо подготовлен к отражению российской угрозы в отношении стран Балтии [30].

В то же время приостановка Североатлантическим союзом программ сотрудничества с Россией не распространяется на афганский транзит. Альянс заявляет, что продолжит использование российской территории для транспортировки сил и средств в Афганистан, несмотря на прекращение сотрудничества с Москвой по линии Совета Россия – НАТО, ведь надзор за транзитом относится к компетенции не СРН, а российских транспортных компаний, занимающихся грузоперевозками.

В НАТО многие осознают, что в афганском вопросе трудно найти равноценную замену российской помощи. Сотрудник Нидерландского института международных отношений М. де Хаас, как и некоторые другие эксперты, предлагает, чтобы приостановка сотрудничества с Россией была на данном направлении компенсирована расширением сотрудничества НАТО (а также Евросоюза) с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) [16].

Новый генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, вступивший в должность 1 октября 2014 г., в ходе своей первой пресс-конференции в этой должности заявил, что альянс не закрывает дверь для возобновления конструктивного сотрудничества с Россией (в том числе по линии СРН), но для этого он должен «чётко убедиться в изменении её поведения», которое бы «свидетельствовало о её уважении к международному праву» [22].

Пределы конфронтации

Для России события вокруг Украины, прежде всего неприкрытое вмешательство в них западных государств с целью обеспечить желательный для себя исход политического кризиса в этой стране, стали дополнительным поводом, чтобы продемонстрировать скептицизм относительно партнёрства с США и их союзниками в области безопасности. «Крымская речь» президента Путина 18 марта 2014 г. стала вторым после его «Мюнхенской речи» 2007 года – и значительно более откровенным – свидетельством неведения Москвы в возможность достижения такого партнёрства. Как заявил в этом выступлении глава российского государства, «после исчезновения биполярной системы на планете не стало больше стабильности. Ключевые и международные институты не укрепляются, а часто, к сожалению, деградируют. Наши западные партнёры во главе с Соединёнными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного» [10].

В то же время даже для США и тех военно-политических институтов, где они доминируют (прежде всего, НАТО), эта сила отнюдь не безгранична, как не безграничны и возможности эскалации противостояния с Россией. При всём стремлении возродить взгляд на Россию как на главную опасность для трансатлантического сообщества и мобилизовать союзников по НАТО на отражение этой опасности, Вашингтону приходится выстраивать свои действия в украинском кризисе в общем контексте тех международных вызовов, с которыми он сталкивается. Возврат к той ситуации, когда «советская угроза» определяла основные геополитические приоритеты Запада – а теперь советскую угрозу

заменила бы российская, – вряд ли возможен. Хотя Украина с начала 2014 г. занимает значительную часть внешнеполитических усилий США, для Вашингтона никуда не исчезли ни китайский вызов, ни продолжающиеся конфликты в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, где администрации Дж. Буша и Б. Обамы своей политикой поистине открыли ящик Пандоры. Эти конфликты, как показала новая волна вооружённой экспансии радикально-исламистских сил в Ираке и Сирии летом и осенью того же года, приобретают всё более угрожающий характер для международной безопасности. В августе Вашингтон начал наносить авиаудары по позициям боевиков «Исламского государства» в Ираке, а в конце сентября и в Сирии. Таким образом, угроза нового вовлечения США в ближневосточные военные конфликты стала наиболее реальной с момента вывода их войск из Ирака в 2011 г. Пытаться в этих условиях изображать действия России в украинском вопросе как главную угрозу безопасности и сворачивать антитеррористическое сотрудничество с ней – значит терять связь с реальностью.

Одним из самых ярких свидетельств тех проблем – как стратегических, так и тактических, – с которыми приходится сталкиваться США, стала речь президента США Б. Обамы перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте 28 мая 2014 г. В ней глава Белого дома попытался соблюсти золотую середину между «реалистами», призывающими к невмешательству США в конфликты в различных частях света, и интервенционистами, пугающими непредсказуемыми последствиями, если Вашингтон будет игнорировать эти конфликты. Пытаясь изобразить свою линию на изоляцию России в украинском кризисе как успешную, Обама в то же время отрицал наступление новой «холодной войны» [23]. Однако эта речь вызвала лишь новую волну критики в адрес Б. Обамы в США, ведь его пафосные фразы о незаменимости Америки и незыблемости американского лидерства в мире часто скрывают внешнеполитические провалы и неудачи.

Один из видных специалистов по истории американско-европейских отношений С. Серфати (Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон) считает, что атлантическое сообщество, пытаясь реагировать на действия президента Путина в Крыму и в отношении Украины (а эти действия, по его мнению, продиктованы осознанным стремлением вернуть то, что принадлежит России по праву), демонстрирует острый недостаток воли и всё более расходящиеся приоритеты ведущих субъектов. Это расхождение, по мнению Серфати, ощущается и в западном сообществе: аналогично тому, как баланс по военному потенциалу невиданными ранее темпами эволюционирует в благоприятную для России сторону, баланс экономического влияния таким же беспрецедентным образом складывается в пользу Германии. Америка же, утверждает эксперт, никогда не ощущала себя столь чуждой для Европы, как сейчас [27].

Действительно, позиция Германии по отношению к кризису на Украине и действиям российского руководства в этом кризисе, попытки её внешнеполитического ведомства играть самостоятельную роль в дипломатических усилиях по урегулированию конфликта на Украине наглядно демонстрируют, что её интересы, как лидера европейского интеграционного строительства и страны, свя-

занной наиболее масштабными экономическими и инвестиционными связями с Россией, выходят за узкие рамки «атлантической дисциплины», хотя реальные действия Берлина и свидетельствуют порой об обратном. Пока же консолидированный интерес Запада в победе «европейского выбора» Киева и позиционирование Москвы по отношению к событиям на юго-востоке Украины скорее способствуют сплочению атлантического мира на антироссийской основе. Как отмечает российский исследователь И. Истомин, «в условиях ситуативного совпадения интересов основных его участников обострение ситуации в Восточной Европе приводит к оперативной консолидации западного сообщества. Подобное же единство наблюдалось в период «оранжевой революции» в Киеве в 2004 году. Оно также проявлялось в отношении урегулирования в Приднестровье и политических преследований оппозиции в Белоруссии». В то же время прошлый опыт, по мнению этого же эксперта, также свидетельствует, что «в условиях деэскалации в регионе евроатлантический консенсус столь же быстро распадается. В этом случае интерес США к Европейскому региону падает, и Вашингтон переориентируется на другие проблемы. Аналогичным образом снижается и вовлечённость части европейских государств – прежде всего, Франции, но также и Великобритании. Германия переходит к балансированию своих интересов на российском и украинском направлении. Страны Прибалтики, Польша и Румыния без поддержки союзников вынуждены действовать осторожнее, даже в тех случаях, когда их риторика остаётся алармистской» [6].

Как же в этих условиях может эволюционировать военно-политическая ситуация в Европе? Можно ли в случае деэскалации кризиса на Украине и вокруг неё вернуться к тем диалоговым форматам между Россией и США/НАТО в сфере европейской безопасности, которые, пусть и неэффективно, работали до начала этого кризиса? Есть ли в обозримом будущем шанс для дискуссий по концепции «Большой Европы», которая предполагала бы строительство единого пространства безопасности, без разделительных линий?

Следует признать, что в сложившейся ситуации, когда перспектив разрешения внутриукраинского конфликта не видно (даже несмотря на шаткое перемирие, заключённое в начале сентября 2014 г. между конфликтующими сторонами при посредничестве Международной контактной группы), равно как не видно и шансов на сглаживание противоречий по этой проблеме между Россией и Западом, ситуация скорее всего продолжит развиваться по неблагоприятному сценарию. Будут усиливаться и соответствующие тенденции в восприятии друг друга как угрозы. Это касается, в частности, такого традиционного предмета противоречий между Россией и НАТО, как проблемы противоракетной обороны США/НАТО в Европе, ведь у Москвы уже практически не остаётся сомнений в том, что планируемое Вашингтоном развёртывание этой системы направлено именно против неё, а не против гипотетических «стран-изгоев».

Так, выступая 22 июля 2014 г. на заседании Совета безопасности РФ, посвящённом вопросам обеспечения безопасности и территориальной целостности страны, президент Путин заявил: «Нам часто говорят, что система ПРО – это оборонительная система. Ничего подобного, это наступательная система, это часть наступательной оборонной системы Соединённых Штатов,

вынесенная на периферию. Что бы ни говорили наши зарубежные коллеги, мы хорошо видим, что происходит на деле: фактически группировки войск НАТО на территории восточноевропейских государств демонстративно усиливаются, в том числе в акваториях Чёрного и Балтийского морей, растёт масштаб и интенсивность оперативной и боевой подготовки. В этой связи необходимо полностью и в срок реализовывать все запланированные меры по укреплению обороноспособности страны, в том числе, разумеется, в Крыму и Севастополе, где нам фактически приходится заново воссоздавать военную инфраструктуру» [5].

Видный американский историк и политолог, почётный профессор Колумбийского университета Р. Легволд в своей статье в июльско-августовском номере журнала «Форин афферс» за 2014 г. также признаёт, что военное строительство США и России теперь в гораздо большей степени будет направлено на сдерживание друг друга, а Вашингтону не потребуется прикрывать свои планы создания противоракетной обороны в Европе тезисом о противодействии Ирану или КНДР. По его словам, «европейский компонент американской ПРО, скорее всего, будет теперь направлен конкретно против России, тем более что администрация Обамы считает её виновной в нарушении Договора о ядерных силах средней дальности от 1987 года. Маловероятно, что Москва и Вашингтон смогут договориться об ограничении развёртывания крупных вооружений в Европе. Новая "холодная война" также сокрушила надежды на укрепление других базовых соглашений, таких как Договор об открытом небе от 1992 г., регулирующий полеты летательных аппаратов без вооружений на борту для осуществления воздушного наблюдения» [19].

В условиях, сложившихся из-за новой конфронтации между Россией и Западом, Москва пересматривает те установки, которыми она до сих пор руководствовалась в диалоге с США и НАТО по проблемам контроля над вооружениями, нераспространения ОМУ и разоружения. В своём заявлении, выпущенном 1 августа 2014 г. в ответ на доклад Госдепартамента «О соблюдении международных соглашений в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения за 2013 год», МИД РФ, в частности, констатировал окончательное расставание с Договором по обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ): «Время ДОВСЕ ушло, и приблизили нынешнюю ситуацию именно США, долго и упрямо пытавшиеся вместе со своими союзниками решить определённые геополитические задачи, используя для этого инструментарий ДОВСЕ» [7].

Резкое обострение напряжённости между Москвой и Западом серьёзно затрудняет совместные поиски решений по наиболее взрывоопасным кризисным ситуациям в различных регионах мира. Это, в частности, борьба с наркотрафиком в Афганистане и вообще, усилия по урегулированию ситуации в этой стране после ухода оттуда международной коалиции. Исчезает тот стимул для содействия прекращению войны в Сирии, который появился осенью 2013 г. Р. Легволд указывает здесь также на то, что «новая «холодная война» отбросит назад международное сообщество в борьбе за уменьшение воздействий глобального изменения климата на Арктику» (а в этой области двум странам удалось добиться очень тесного сотрудничества), сведёт на нет предприни-

мавшиеся до сих пор Москвой и Вашингтоном усилия с целью сбалансировать позиции по ключевым вопросам мирового управления, включая давно назревшие реформы ООН, Международного валютного фонда, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [19].

Российско-западная конфронтация лишний раз продемонстрировала: когда российско-американские (а вслед за ними и российско-натовские) отношения движутся от одной «перезагрузки» к другой (цитируавшаяся выше А. Стент выделяет четыре таких «перезагрузки» в период после окончания «холодной войны»), шансов на то, что эти отношения приобретут стабильную основу, немного. Тем более это очевидно в нынешний момент, когда Россия своими действиями на Украине и в Крыму перешагнула определённую черту, начав демонтировать тот порядок, который был установлен Беловежскими соглашениями.

Одно из наиболее негативных для России последствий от западных санкций состоит в том, что они затрудняют и замедляют её дальнейшие необходимые действия применительно к Украине, а также в приднестровском вопросе (после подписания Молдавией соглашения об ассоциации с ЕС и усиления давления новых украинских властей на Тирасполь возрос риск «размораживания» этого конфликта, вовлечения в него Москвы, а вместе с ними и соответствующей реакции НАТО). На Западе практически все поняли, что Крым Украине уже не вернуть. Отдельные лидеры стран, входящих в ЕС и НАТО (в частности, президент Чехии М. Земан) высказываются об этом открыто. Однако там вполне могут добиться того, чтобы цена дальнейшей экспансии на Украине и других соседних регионах была для Москвы как можно выше.

Быстро меняющаяся ситуация на Украине требует от российского руководства нестандартных решений, всё чаще выходящих за рамки, к которым ему пришлось приспособиться после краха СССР. Присоединение Крыма без согласия той страны, в составе которой он пребывал до марта 2014 г., – один из таких шагов. Трудно, однако, сказать, до какой степени Москва сможет проявлять подобный «ревизионизм» по отношению к мировому порядку в других случаях, не рискуя спровоцировать новые санкции и дальнейшую эскалацию военно-политической напряжённости с Западом.

В сложившихся условиях российская дипломатия пытается не допустить окончательного забвения тех позитивных идей относительно строительства европейского порядка, которые Москва выдвигала в «доукраинский» период. В частности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, выступая на встрече с членами Российского совета по международным делам (РСМД) 4 июня 2014 г., подчеркнул, что Россия выступает «против скатывания в русло примитивных схем прямолинейного противостояния между Россией и Западом». Он напомнил об идее президента Путина о едином экономическом и гуманитарном пространстве от Атлантики до Тихого океана, в которое могли бы войти страны ЕС и государства – члены Евразийского экономического союза, а также страны, расположенные между этими интеграционными блоками, включая Украину, других участников «Восточного партнёрства» и Турцию [2].

Конечно, обострение противоречий между Россией и США/НАТО из-за событий на Украине отнюдь не благоприятствует выдвижению крупных

структурных инициатив, касающихся всеобъемлющего евроатлантического сообщества безопасности. Об этом откровенно заявил председатель Мюнхенской конференции по безопасности В. Ишингер, выступая в начале мая 2014 г. в Вашингтоне на Симпозиуме Ахтисаари (этот форум организован Центром Вильсона в честь бывшего президента Финляндии, лауреата Нобелевской премии мира) и целиком возложив ответственность за возникший кризис на Москву. Ишингер, тем не менее, подчеркнул необходимость того, чтобы некоторые идеи, касающиеся строительства более прочной, долговременной, всеобъемлющей и устойчивой к кризисам европейской архитектуры были возобновлены. Это, в частности, возрождение ДОВСЕ, других проектов по контролю над вооружениями (таких как сокращение и ликвидация тактических ядерных сил), укрепление авторитета ОБСЕ, которая, между прочим, оказалась весьма востребованной в нынешнем украинском конфликте [17]. То, что позиции России по некоторым из этих вопросов диаметрально противоположны натовским, может показаться второстепенной проблемой на фоне обострения противоречий вокруг Украины.

Как бы ни были остры эти противоречия, альтернативы возврату к взаимному диалогу по основным проблемам безопасности всё равно нет. Вряд ли, конечно, такой возврат возможен – во всяком случае в прежних формах – в таких аспектах, как диалог по проблеме ПРО в Европе или ДОВСЕ. Однако обострившаяся из-за Украины напряжённость в российско-западных отношениях ни в коей мере не снимает с повестки дня необходимость продолжения сотрудничества по Афганистану, по иранской ядерной проблематике, по ситуации в Сирии и арабском мире в целом в связи с резкой активизацией радикально-исламистских сил.

Возврат к нормальному российско-западному диалогу – какой бы трудной ни представлялась эта задача – необходим, но он невозможен без хотя бы самой общей договорённости по урегулированию украинского конфликта. Какие-то аспекты, связанные с этим (в первую очередь касающиеся статуса Крыма), придётся отложить в сторону, даже если западные страны в обозримом будущем откажутся признавать новый статус-кво.

Одной из попыток экспертного сообщества России и западных стран помочь предотвратить скатывание российско-западных противоречий к опасной черте стало опубликованное в конце июля 2014 г. заявление специальной рабочей группы «Строительство Большой Европы», действующей под эгидой Европейской сети лидеров за многостороннее ядерное разоружение и нераспространение, Российского совета по международным делам, Польского института международных отношений и Организации международных стратегических исследований в Анкаре. Среди авторов этого документа – бывший министр иностранных дел РФ И. Иванов, бывший министр иностранных дел Польши А. Ротфельд, бывшие министры обороны и иностранных дел Великобритании Д. Браун и М. Рифкинд, бывший министр обороны ФРГ Ф. Рюэ, многие видные российские и западноевропейские эксперты по международной безопасности. Члены группы признают: «Несмотря на нашу уверенность в необходимости строительства Большой Европы в долгосрочной перспективе, обстоятельства

сегодня складываются таким образом, что представить себе успех подобного проекта стало сложнее».

В заявлении подчёркивается, что кризис на востоке Украины угрожает безопасности всей Европы. Он чреват и обострением вооружённых столкновений в Грузии, Приднестровье и Нагорном Карабахе. «Никто не заинтересован в том, чтобы эти конфликты возобновились, дополнительно осложнив текущий кризис. Таким образом, НАТО, её члены, ЕС и Россия должны не только проявлять максимальную сдержанность по отношению к каждому из этих споров, но и использовать своё влияние для недопущения со стороны местных игроков шагов, которые могли бы вызвать внезапную эскалацию конфликта или усиление напряжённости между Россией и Западом» [8].

Хотя большинство рекомендаций рабочей группы ограничивается благими пожеланиями, а её участники явно руководствовались стремлением соблюсти равноудалённость от всех сторон конфликта и не возлагать на кого-то главную вину за его обострение, важным представляется то, что в документе признаётся контрпродуктивность ставки на «сжигание мостов», а ведь именно такую ставку сделали западные институты (прежде всего НАТО), заморозив сотрудничество с Москвой после присоединения Крыма и начала вооружённого противостояния на юго-востоке Украины. Одна из рекомендаций подчёркивает важность того, чтобы НАТО, ЕС и Россия расширяли диалог. «Взаимодействие на прежнем уровне – это не единственно возможный вариант в сложившейся ситуации. В нынешних обстоятельствах заседания Совета Россия – НАТО должны проходить чаще, а не реже». Рабочая группа напоминает, что «даже во времена "холодной войны" стороны умели договариваться о механизмах сдерживания и мерах контроля над ситуацией» [8].

Делать прогнозы относительно того, когда пойдёт на спад волна конфронтации между Россией, с одной стороны, и США, НАТО и ЕС – с другой, достаточно трудно. Однако это ни в коей мере не снимает задачи поиска нового понимания безопасности, которое соответствовало бы современным реалиям, а не было бы унаследовано от эпохи биполярности.

Список литературы

1. Ангела Меркель: Основополагающий договор между НАТО и РФ нельзя нарушать // DW. 02.07.2014 (<http://www.dw.de/ангела-меркель-основополагающий-договор-между-нато-и-рф-нельзя-нарушать/a-17753827>).
2. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам. Москва. 04.06.2014 (http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/412c7ba2a5a1e66544257ced0059d4df!OpenDocument).
3. Генсек НАТО: Пора принять тот факт, что Россия видит в нас противника // DW. 15.06.2014 (<http://www.dw.de/генсек-нато-пора-принять-тот-факт-что-россия-видит-в-нас-противника/a-17708565>).
4. *Ефременко Д.* Россия в авангарде пересмотра мирового порядка // Россия в глобальной политике. 2.07.2014 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Za-flazhki-16764>).
5. Заседание Совета Безопасности, 22.07.2014 (<http://www.kremlin.ru/transcripts/46305>).

6. *Истомин И.* Украинская вакцина трансатлантической солидарности // Россия в глобальной политике. 15.07.2014
(http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Ukrainskaya-vaktcina-transatlanticheskoi-solidarnosti-16809).
7. Комментарий МИД России по докладу Госдепартамента США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. 01.08.2014
(http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/8996B89E6073B2EC44257D2700610959).
8. Механизмы кризисного регулирования в Европе в контексте событий на Украине. Заявление специальной рабочей группы «Строительство Большой Европы». Июль 2014 г. // European Leadership Network, PISM, RIAC, USAK.
9. Мир вступил в третью мировую войну, считает политолог // РИА «Новости». 30.07.2014 (<http://ria.ru/world/20140730/1018180436.html>).
10. Обращение Президента Российской Федерации. 18.03.2014
(<http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>).
11. СМИ: Германия против расширения НАТО в Восточной Европе // DW. 30.07.2014 (<http://www.dw.de/сми-германия-против-расширения-нато-в-восточной-европе/a-17821334>).
12. Совещание послов и постоянных представителей России. 1.07.2014
(<http://kremlin.ru/news/46131>).
13. *Breedlove Ph.* The Meaning of Russia's Campaign in Ukraine // The Wall Street Journal. 16.07.2014 (<http://online.wsj.com/articles/phil-breedlove-the-meaning-of-russias-military-campaign-against-ukraine-1405552018>).
14. *Cohen R.* Yes, It Could Happen Again // The Atlantic. 29.07.2014.
15. Dempsey: Russian Attacks Change Europe's Security Landscape. U.S Department of Defense. 25.07.2014 (<http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=122751>).
16. *Haas M.* EU and NATO engagement with the Shanghai Cooperation Organization: Afghanistan as a pilot // Europe's World. 7.05.2014.
17. *Ischinger W.* The Crisis of Euro-Atlantic Security. Ahtisaari Symposium. Woodrow Wilson Center. Washington, DC. 5.05.2014.
18. *Kerry J.* Remarks at the Atlantic Council's "Toward a Europe Whole and Free" Conference. Washington, DC. 29.04.2014
(<http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225380.htm>).
19. *Legvold R.* Managing the New Cold War. What Moscow and Washington Can Learn From the Last One // Foreign Affairs. July/August 2014
(<http://www.foreignaffairs.com/articles/141537/robert-legvold/managing-the-new-cold-war>).
20. "NATO and Russia – Time to Engage." Remarks by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Munich Security Conference. 1.02.2014
(https://www.securityconference.de/fileadmin/MS_C_/2014/Reden/2014-02-01_Speech_Nato_GS_Rasmussen_MSC.pdf).
21. *Nordenman M.* NATO in an Era of Global Competition. Atlantic Council. Brent Scowcroft Center on International Security, June 2014.
22. Press conference by incoming NATO Secretary General Jens Stoltenberg. 2.10.2014
(http://nato.int/cps/en/natohq/opinions_113488.htm).

23. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. 28.05.2014 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony>).
24. Russia's accusations - setting the record straight (updated July 2014) (http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_111767.htm).
25. S.2277 – Russian Aggression Prevention Act of 2014. 113th Congress (2013-2014) (<https://beta.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277/text>).
26. Senate Foreign Relations Committee Hearing on the United States, Ukraine and Russia. 6.05.2014. Testimony by Dr. Angela E. Stent, Director, Center for Eurasian, Russian and East European Studies. Georgetown School of Foreign Service (http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Stent_Testimony.pdf).
27. *Serfaty S.* Why we need to be patient with Russia // Europe's World. Summer 2014 (<http://europesworld.org/2014/06/15/why-we-need-to-be-patient-with-russia/#.U9eckP6Ghdh>).
28. Statement by NATO Foreign Ministers. 1.04.2014 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108501.htm).
29. *Stent A.* The Limits of Partnership. U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton University Press, 2014. 384 p.
30. Towards the next Defence and Security Review: Part Two – NATO. House of Commons Defence Committee. Third Report of Session 2014–15. 31.07.2014.
31. US mulling pivot back to Europe // DW. 16.07.2014 (<http://www.dw.de/us-mulling-pivot-back-to-europe/a-17789492>).
32. Victoria Nuland, Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs. Senate Foreign Relations Committee. 6.05.2014. Written Testimony (http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Nuland_Testimony1.pdf).
33. Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. 5.09.2014 (http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm).